

Глава 15

Когда атмосфера в столовой накалилась до предела, Су Минсы заговорил — вкрадчиво и как раз вовремя:

— Вэйлань, я не со зла. В прошлые выходные я увидел, в каком беспорядке твоя машина, и просто взял ключи, чтобы съездить на мойку. Но по дороге... случилась авария. Я так испугался... Прости меня, пожалуйста.

— Если тебе и впрямь жаль, иди и извинись сам. Я в больницу не поеду, и это моё последнее слово!

Сяо Ци и на мгновение не поверил этому притворству, но остальные трое, очевидно, решили принять версию Су Минсы за истину.

Лу Сяочжи с оглушительным стуком бросил палочки на стол.

— Семья Лу растила тебя двадцать лет! Что ты сделал для неё за это время? Будь ты нашей крови — ещё полбеды, но ты ведь чужой. Мы оставили тебя в доме, дали лучшую еду и одежду, статус и имя, обеспечили роскошную жизнь... А ты? Чем ты платишь нам за всё это?

Юноша замолк, не находя слов. Он помнил тот день, когда правда о подмене только вскрылась: тогда ему говорили, что он может остаться, ведь семья Лу не обеднеет от лишнего рта. Кто бы мог подумать, что спустя столь короткое время платой за право здесь находиться станет его достоинство.

Глядя на едва ли не сломленного Лу Вэйлания, Су Минсы ощутил нескрываемое торжество. На самом деле, он мог бы скрыть улики, если бы захотел, но предпочёл этого не делать. Он дождался, пока скандал разгорится, и подбросил зацепки Лу Синчжи, вынуждая семью сделать выбор.

Он знал этих людей: интересы и репутация были для них превыше всего. Сегодняшний финал был предрешён.

Если Лу Вэйлань всё ещё хочет числиться в их семье, то после сдачи комнаты ему придётся пойти на следующую уступку. И ценой этой уступки станет его честь! Су Минсы уже подготовил почву в больнице: едва «брат» переступит порог палаты, найдутся люди, которые согнут его хребет и заставят склонить его гордую голову.

Лу Сяочжи тем временем твёрдо решил заставить парня признать реальность:

— То, что ты до сих пор сидишь за этим столом — лишь плод нашей привязанности. Но пора повзрослеть и понять: в этом мире ничего не даётся даром. Мы даём тебе покровительство,

даём богатство, о котором обычный человек не смеет и мечтать... Ты тоже должен отдавать. Должен что-то сделать для семьи Лу. Ты понимаешь?

Сяо Ци хранил молчание. Его лицо выражало полную растерянность — он выглядел как ребёнок, потерявший единственную опору. Слова главы семьи ранили глубоко, но ещё сильнее был страх. Страх перед неопределённостью. Он вырос в неге, не заработав в жизни ни гроша — сможет ли он вообще выжить, если уйдёт прямо сейчас?

Почти инстинктивно юноша поднял взгляд на Чэн Жань, ища в ней ту материнскую защиту, к которой привык. Женщина действительно выглядела расстроенной; она мягко похлопала его по руке и нежно произнесла:

— Лань Лань, не бойся. Просто извинись, и всё закончится. Ты всё равно останешься моим хорошим мальчиком. Ты столько дней пропадал где-то, я себе места не находила от беспокойства... Возвращайся домой, а вечером мама сама приготовит тебе что-нибудь вкусное.

Слова Чэн Жань обладали целительной силой: они затягивали раны, нанесённые отцом, заставляя парня цепляться за это тепло. Неужели он действительно ради этого признает вину в том, чего не совершал? И склонит голову в фальшивых извинениях?

После долгих терзаний Сяо Ци отложил приборы. Прошло немало времени, прежде чем он снова поднял голову. Окинув взглядом всех присутствующих, он медленно поднялся с места.

Чэн Жань вздрогнула:

— Лань Лань, что ты делаешь? Неужели ты бросишь маму?

Лицо Лу Сяочжи окаменело, он сверлил парня тяжёлым взглядом. Лу Синчжи, напротив, сохранял спокойствие — он был уверен, что Лу Вэйлань ни за что не решится покинуть семью.

Больше всех был озадачен Су Минсы. В его памяти Лу Вэйлань никогда даже не помышлял об уходе. Впрочем, это логично — кто в здравом уме откажется от дармового богатства?

— Я не делал этого, — голос Лу Вэйлани дрожал, но каждое слово звучало отчётливо. Он упёрся руками в стол, словно пытаясь найти в нём опору. — Я не признаю вину и не стану извиняться.

— Хорошо! Очень хорошо! Значит, ты твёрдо решил уйти? Семья Лу тебя больше не держит! Проваливай... — Лу Сяочжи задохнулся от ярости, но его прервал резкий скрежет стула о пол.

Чэн Жань внезапно вскочила. С глазами, полными разочарования и слёз, она подошла к Сяо Ци и крепко вцепилась в его плечо.

— Лань Лань, иди отдохни. О больнице поговорим позже.

— Ты вечно его балуешь! Посмотри, во что он превратился из-за твоих поблажек! — гнев мужчины перекинулся на жену, однако больше он не требовал, чтобы юноша убирался вон.

— Да, балую, и что с того? Я баловала его двадцать лет и буду продолжать! Здесь я решаю. Лань Лань, будь послушным, иди в свою комнату.

Обычно кроткая Чэн Жань проявила неожиданную твёрдость, заставив мужа замолчать.

Лу Вэйлань, который уже был готов окончательно порвать с домом, снова заколебался. По правде говоря, он и сам не знал, куда идти, если покинет особняк. Появившаяся возможность для отступления охладила его пыл. Поддавшись уговорам Чэн Жань, он вернулся в спальню.

Едва дверь закрылась, отсекая шум из коридора, юноша рухнул на кровать. Со стороны казалось, что он раздавлен горем, но внутри он вовсе жаловался Системе на то, что его мечта о свиноферме снова ускользает.

[Такова сила сюжета. Пока не пройдены все ключевые точки, дублёр обречён оставаться рядом с главным героем]

Систему 6362 такой результат не удивил.

— Неужели?

Сяо Ци вдруг расплылся в улыбке. Он чувствовал, что дело не только в сюжете. Поведение семьи Лу было крайне странным. Лу Сяочжи играл «злого полицейского», Чэн Жань — «доброего». Казалось, его загоняют в угол, требуя извинений, но когда он выбрал уход, они запаниковали.

«Неужели им и впрямь так трудно с ним расстаться?»

При этой мысли юноша выудил из кармана пачку латяо.

— Иди и запиши всё, что они там обсуждают. Что выберешь: латяо или новую сказку?

Без малейших колебаний латяо растворились в воздухе.

Сяо Ци невольно вздохнул.

«Этот призрак точно объелся латяо до смерти»

Отойдя от минутного испуга, Система 6362 поняла, что это тот самый «призрак-наемник».

[Он всё записал? Значит, мы прямо сейчас можем разоблачить Су Минсы? Давай, скорее!]

— К чему такая спешка? До дня рождения ещё далеко. Уж чего-чего, а терпения у Улитки не занимать.

[Тут опечатка]

— Ой, Улитка не особо грамотная, не придирайся.

[Пустьяки, у меня есть функция автокоррекции, не придирайся]

Пока в комнате Сяо Ци царила гармония, в столовой атмосфера была гнетущей. Лу Сяочжи хотел было спровадить Су Минсы и Лу Синчжи, но те отказались уходить. Старший сын взглянул на дверь спальни и, убедившись, что его не слышат, спросил:

— Отец, есть что-то, чего я не должен знать?

Су Минсы тоже поспешил вставить слово:

— Я виноват в случившемся и хочу хоть чем-то помочь.

Он чувствовал, что терпение родителей по отношению к Лу Вэйланю запредельно велико. Юноша помнил это и по прошлой жизни, но сейчас, столкнувшись с этим снова, ощутил острую несправедливость и глубокое недоумение.

Услышав это, глава семьи вместо одобрения лишь холодно взглянул на него:

— Рад, что ты это осознаёшь.

Тот осёкся, не смея возразить. Он не понимал, почему к нему отец относится с такой суровостью.

— Довольно, — вздохнула Чэн Жань. — Поговори с детьми нормально. Нужно искать другой путь — Вэйлань не может уйти из семьи.

Вскоре по знаку Лу Сяочжи все четверо перешли в кабинет. Закрыв дверь, они начали разговор, в котором, по крайней мере внешне, участвовали только члены семьи Лу.

— Минсы, ты не любишь Лу Вэйлани, — первая же фраза мужчины заставила Су Минсы напрячься. Он открыл рот, чтобы возразить, но отец остановил его жестом. — Не трудись отрицать. Мне всё равно, нравится он тебе или нет. Ты должен помнить лишь одно: тем, что ты сегодня живым вернулся в этот дом, ты обязан Лу Вэйланю.

Эти слова повергли в ступор не только Су Минсы, но и Лу Синчжи.

Разгадка последовала незамедлительно. Глава семьи открыл сейф и достал оттуда красный деревянный ларец. Он выглядел очень старым и был грубо сработан.

— Наши предки не были богачами. Подъём семьи начался лишь при вашем прадеде...

С этих слов началась невероятная история. В молодости прадед спас бродячего даоса. Тот обещал вернуться через десять лет, чтобы отплатить за добро, но нити судьбы переплелись слишком тесно. Связь между ними крепла, и даже после смерти старшего поколения она перешла к наследникам.

— Я вырос на этих рассказах. Сначала думал, что это просто легенды, пока не настал день смерти вашего деда. В дом пришёл человек — сказал, что хочет проводить старика в последний путь. В тот же вечер отец, всегда отличавшийся крепким здоровьем, мирно скончался. Незнакомец ушёл, оставив мне этот ларец.

Лу Сяочжи открыл крышку: внутри лежали пожелтевшие листы с непонятными символами.

— Он предсказал, что у семьи Лу будет двое детей. Первый родится одарённым и унаследует дело. Второй — станет Одинокой звездой небесной погибели, несущей проклятие и смерть своим близким. И единственный способ избежать беды — совершить Обмен судьбами с тем, чья удача безгранична...

Отец осторожно разложил на столе два листа, похожих на талисманы. Су Минсы и Лу Синчжи застыли в шоке — их картина мира рушилась на глазах. Лу Сяочжи подробно объяснил суть ритуала. Тот человек предупредил, что обмен губит карму, но дарует благополучие в этой жизни. После этого долги между ними и даосом были погашены, и он исчез навсегда.

— И вот, в предсказанный день родился ты, Су Минсы. А в той же больнице, в тот же день и в ту же секунду на свет появился Лу Вэйлань. Он и стал тем, чью судьбу мы забрали.

— Это невозможно! — выкрикнул Су Минсы. Он не сомневался в мистике — в конце концов, сам переродился. Он не мог принять лишь то, что его собственная природа несёт разрушение.

— Почему невозможно? — Лу Сяочжи холодно усмехнулся. — Посмотри на семью Су: стоило тебе родиться, как их дела пошли прахом. Супруги Су погибли при странных обстоятельствах. В живых остался лишь Су Мингэ, и то лишь потому, что он был приёмным.

В один миг в голове Су Минсы воцарился хаос: он не знал, то ли вспоминать, как разорвалась семья Су, то ли поражаться тому, что Су Мингэ, оказывается, был приёмным ребёнком.

<http://bllate.org/book/15806/1427250>